

потом на десять, на пятнадцать. Почему задержалась Люба? Может, с нею что-нибудь случилось?

Олег дал команду задержаться. Ребята притихли, шутки прекратились, настала гнетущая тишина.

Вася Пирожок — отчаянная голова, крепкий, широкоплечий, с серыми глазами на всегда бодром лице — сидел на стуле с малюсеньким свертком подмышкой. Это был весь его багаж в дальнюю дорогу. Сидел он какой-то печальный, притихший, глядя в одну точку. Олег хлопнул Васю по плечу:

— Ты что скучаешь? С дивчиной своей, что ли, проститься не успел?

Вася вспыхнул и покосился на меня.

— Что ты, что ты, Олег? Какая там у меня дивчина!

Я тихо вышла в другую комнату, но все же мне было слышно, как Вася сказал сыну:

— Ну что ты, право, Олег? О таких делах при Елене Николаевне?! Само собой разумеется... простился. А ты со своей?

Молчание, и потом тихие слова Олега:

— Не с кем мне прощаться. Все вместе отправляемся. Есть у меня дорогой друг, но и он со мной идет.

— Кто?

— Нина Иванцова.

Так прождали до четырех часов дня. А в четыре прибежала Люба, запыхавшаяся и взволнованная; она передала Олегу письмо от «товарища Антона». Командир отряда предлагал поход отложить и продолжать работу на месте.

«Второго или третьего января буду я у вас, и мы поговорим, я посоветую вам много интересного для вашей работы», писал «товарищ Антон».

Все чувства сразу отразились на лицах ребят. Но приказ партии — закон.